

Миронов Андрей

21.08.97

58

Кишинев - 1997 - 21 авг. - с. 1

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

Фото Н. ПОСНИКОВА

Минуло десять лет с тех пор, как ушел от нас Андрей Миронов. Десять лет – срок немалый для публики, забывающей своих кумиров в одночасье. Однако имя Андрея Миронова забвению не предали. Назвали им планету, театр – “Русская антреприза” имени Андрея Миронова в Санкт-Петербурге, конкурс актерской песни. Кинотеатральная жизнь его более или менее сохранена на пленке, а вот гастрольно-концертная, столь интенсивная и любимая актером, – это то, что уже не вернуть, но то, что осталось в памяти тех счастливиц, кому довелось быть причастным к ней. Миронову было что сказать и показать на сцене вне спектакля. Он не практиковал творческие встречи с демонстрацией роликов собственных филь-

мов и байками между ними. Миронов пел, иногда выходил в одном концерте с Анатолием Папановым, Ларисой Голубкиной, в одиночку играл сцены из спектаклей, часто из “Клопа” и “Бани”, “Трехгрошовою оперы” и был виртуозен и потрясающе хорош. Импровизировал он бесконечно. Работал так, словно это его последний выход. А люди в зале захлебывались от восторга. Женская половина аудитории влюблялась в него безоговорочно. Актерский диапазон Миронова удивлял. Кто, скажите, способен у нас сыграть сегодня Гамлета, а завтра – Хлестакова? Миронов мог, хотя о Гамлете только мечтал, время уходило.

Казалось бы, такой успешный, любимый народом актер, а глаза отчего-то были у него печальными. Алексей Герман это разглядел, как никто другой, и рассказал

нам едва ли не самую потрясающую по силе историю любви в отечественном кинематографе. Помните “треугольник” героев Руслановой, Болтнева, Миронова в картине “Мой друг Иван Лапшин”? Чувства скупы, зажаты словно в тиски, но того гляди прорвутся на волю. Были еще и “Фантазии Фарятьева” Ильи Авербаха, страдающее мироновско-фарятьевское лицо, которое, увидев, не забыть, Теперь мы направо и налево раздаем лестные эпитеты “звезда”, “гений”. До чего же все это наивно, когда думаешь о том, кем был Андрей Миронов. Да ведь это к тому же совсем иное осознание собственной профессии, того, что некогда в русском театре величалось служением сцене.

Светлана ХОХРЯКОВА